

UNITED WISDOM

Цвет, боль, музыка: почему опыт трудно передать другому

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W13 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Цвет, боль, музыка: почему опыт трудно передать другому

Эпиграф

> *Моя мысль принадлежит к другим моим мыслям, а ваша — к другим вашим мыслям.*

Уильям Джеймс, «Принципы психологии», том I, глава IX, раздел о личной форме мысли, печатная с. 225–226; собственный перевод United Wisdom с английского текста.

О чём эта статья

Мы можем показать другому человеку цвет ткани, включить ту же запись и услышать, что у него болит. Однако общий предмет ещё не означает одинакового переживания. В повседневном разговоре эта разница легко превращается в два противоположных требования: либо понять человека совершенно, либо признать понимание невозможным. Статья исследует пространство между ними. На выбранных фрагментах Локка и Уильяма Джеймса мы различим название, описание, узнавание и личную принадлежность опыта. Определение боли IASP поможет увидеть, почему ограниченность чужого доступа не отменяет уважения к сообщению человека. Цвет, боль и музыка здесь служат тремя разными задачами, а не примерами одной медицинской теории. Мы не доказываем, что все люди чувствуют одинаково или обязательно по-разному, и не предлагаем теста на чужую искренность. Вопрос практичнее: какую часть опыта можно сделать понятной другому, где остаётся неопределённость и как продолжать разговор, не требуя невозможного совпадения.

I. Общий предмет и два отдельных опыта

Представим двух людей, выбирающих ткань у окна. Один говорит, что цвет спокойный; другой называет его холодным и неприятным. Это условная сцена. Они могут согласиться, какую ткань рассматривают, и не согласиться с её описанием. Возникает соблазн решить, кто видит правильно, хотя пока неясно, о чём именно спор. Возможно, речь о цветовом названии, о предпочтении или о впечатлении, которое вызывает материал в данной комнате. Эти вопросы не равны. Прежде чем искать ошибку, полезно установить предмет разногласия. Если один описывает оттенок, а другой — желание жить рядом с ним, одинаковое слово «цвет» скрывает разные ответы на разные задачи.

@andrey.zarinsh @ilkutki

Одно и то же событие можно обсуждать на нескольких уровнях. На уровне предмета мы указываем ткань, звук или место боли. На уровне сообщения человек выбирает слова. На уровне переживания речь идёт о том, как это для него ощущается. Указание общего предмета помогает разговору, но не переселяет нас в чужую точку зрения. При этом неполный доступ не делает слова бесполезными. Если собеседник говорит, что ткань ему неприятна, нам уже известно нечто важное для общего выбора, даже без полного знания качества его ощущения. Для решения бытовой задачи может быть достаточно такой информации; для философского вывода о природе опыта — недостаточно.

Поэтому выражение «мы видим одно и то же» стоит уточнять по задаче. Оно может означать общий объект перед нами, одинаковый ответ на вопрос или заявленное сходство впечатлений. Ни одна из этих формулировок не должна незаметно подменять другую. В разговоре такое уточнение не требует специальной терминологии. Можно спросить: ты называешь оттенок или рассказываешь, как он на тебя действует? Можно ответить: я понимаю, какую ткань ты имеешь в виду, но пока не знаю, что значит для тебя холодный. Здесь мы не отрицаем переживание и не подтверждаем его полное совпадение со своим. Мы делаем следующий шаг понимания доступным, потому что стало яснее, какого ответа действительно не хватает.

II. Что проверяет мысленный пример Локка

В книге II, главе XXXII, §15 «Опыта о человеческом разумении» Локк рассматривает возможность: фиалка могла бы вызывать у одного человека такое впечатление, какое бархатец вызывает у другого. При устойчивом употреблении названий они всё же различали бы предметы и общались о синем и жёлтом. Это условное философское рассуждение, а не результат исследования двух групп. Оно ставит вопрос о том, что устанавливает согласованное называние. Участники могут пользоваться словами одинаково, хотя непосредственного перехода в чужой опыт нет. Но отсюда ещё не следует, что различие действительно существует у этих или у всех людей. Возможность в аргументе и установленное положение дел требуют разных оснований.

В том же параграфе Локк сообщает, что склонен считать впечатления разных людей обычно очень близкими. Эту часть нельзя убрать, оставив автора сторонником всеобщего скрытого различия. Он также помещает рассуждение в свою систему идей и способностей, с богословским контекстом предшествующего §14. Наша задача уже: понять различие между совпадением употребления и совпадением качества опыта. Мы не заимствуем раннее объяснение устройства органов как современную физиологию. Исторический текст помогает поставить вопрос, но не заменяет сегодняшнюю проверку зрения. Честное чтение сохраняет и условие примера, и собственное ограничение

автора, и границу нашего применения. Иначе эффектная история о цветах сама становится примером неверной передачи чужой мысли.

Один ответ на этот пример состоит в том, чтобы спросить, какая разница имела бы значение для доступной проверки. Если двое устойчиво выбирают одинаковые образцы и одинаково используют названия, это показывает определённое согласование. Оно может быть важно для торговли тканью или совместной работы над изображением. Философский вопрос об одинаковом ощущении остаётся иным. Не стоит обесценивать первый результат потому, что он не решает второго. И не стоит продавать его как окончательное решение второго. Такой порядок рассуждения полезен далеко за пределами цветов: сначала назвать реально полученное совпадение, затем отдельно сформулировать более сильное утверждение, для которого пока нет основания. Это авторское применение различия, а не ещё один вывод самого Локка.

III. Название помогает найти опыт, но не заменяет его

В главе III той же книги, §2, Локк замечает, что у множества чувственных различий нет отдельных названий: привычные слова не перечисляют всю различимую для человека палитру запахов, вкусов, цветов и звуков. Это наблюдение исторического автора, не измеренный размер современного словаря. Для нашего вопроса оно ценно тем, что заставляет различать бедность названия и бедность переживания. Человек может сказать лишь «неприятно», не имея возможности сразу подобрать более точные слова. Из краткости сообщения нельзя автоматически заключить, что внутри него нечего уточнять. Но нельзя также угадывать подробности, которые он не сообщил, и выдавать их за своё понимание.

Показывание может дополнить называние. В условной сцене с тканью человек сравнивает два образца и говорит: этот ближе к тому, что я имел в виду. Такое действие не передаёт всё ощущение, но сокращает неопределённость вокруг выбора. В разговоре о музыке можно указать конкретный момент записи, вместо того чтобы спорить о произведении целиком. Мы получаем общую точку, к которой можно вернуться. Однако указательный жест тоже имеет границы: он выбирает участок, а не объясняет все отношения, которые человек в нём слышит. Поэтому хорошее уточнение соединяет предмет и вопрос. Что именно в этом месте тебе важно: громкость, переход, ожидание продолжения или воспоминание, о котором ты хочешь рассказать?

Не всякое недопонимание требует расширять словарь. Иногда собеседники уже понимают описание и просто по-разному относятся к предмету. Если одному нравится резкий звук, а другому он мешает, новый термин не обязан устранить различие. Можно договориться о громкости или времени прослушивания, сохраняя разные предпочтения. Общее решение не требует общего вкуса. Это важная граница: язык способен помогать

согласовывать действия, не доказывая совпадения состояний. Когда мы требуем идеального описания до любого соглашения, разговор рискует застрять в задаче, которая ему не нужна. Когда мы считаем соглашение доказательством одинакового опыта, теряем различие, ради которого уточняли слова. Рабочая точность состоит в том, чтобы решить действительный вопрос, не приписывая результату лишних свойств.

IV. Личная принадлежность опыта у Джеймса

В начале главы IX «Принципов психологии» Джеймс рассматривает мысль как принадлежащую личному сознанию. Он описывает ситуацию лекционной комнаты: мысли разных людей могут иметь сходное содержание, но не сливаются от соседства или одновременности. Это первичное рассуждение автора конца XIX века, а не нейровизуализационный вывод. Для статьи оно проясняет один предел: узнать о чужом ощущении и пережить именно его — разные отношения. Мы можем знать, какой звук слушал собеседник, что он сказал и что попросил изменить. Такое знание имеет содержание, хотя не превращает его мысль в нашу. Непосредственная принадлежность и доступное сообщение не становятся одним лишь потому, что оба названы пониманием.

Но положение о личной принадлежности нельзя без дальнейшего аргумента превратить в утверждение, что между людьми нет никакого познавательного контакта. Слова, поступки, общие предметы и уточнения уже являются способами сообщать нечто друг другу. Сам факт, что сообщение не переносит переживание целиком, не отменяет сообщённого. Здесь полезно различать несовершенную копию и ответ на вопрос. Разговор не обязан быть копированием. Если мне нужно узнать, готов ли человек продолжать прослушивание, его просьба остановить запись отвечает на этот вопрос непосредственно в общении. Она не описывает всю внутреннюю историю. Требовать такой истории прежде, чем признать просьбу понятной, значит изменять задачу разговора, а не углублять его автоматически.

Можно поэтому говорить о нескольких степенях понимания без единой лестницы, где последняя ступень обязательно совпадение чувств. Я правильно указал предмет; верно пересказал слова; понял причину просьбы настолько, насколько человек её объяснил; договорился о действии. Каждый результат проверяется своим способом. Собеседник может поправить пересказ, уточнить предмет или сказать, что причину обсуждать не хочет. Ни один отказ не делает его переживание менее принадлежащим ему. И ни одна удачная договорённость не даёт мне полномочий рассказывать от его имени больше, чем было сообщено. Понимание в таком виде имеет границы и остаётся содержательным. Оно может развиваться через точные исправления, а не через требование подтвердить нашу уверенность, что мы уже чувствуем совершенно одинаково.

V. Музыка: передать не только отдельный звук

Вообразим двух слушателей после короткой записи. Один отмечает красивый звук, другой говорит о возвращении темы после паузы. Их ответы не обязательно противоречат друг другу: они выбрали разные отношения внутри одного прослушивания. В главе IX Джеймс рассматривает переход от тишины к грому и показывает, почему описание впечатления одним названием предмета оставляет без внимания связь с предыдущим. Это его аналитический пример о течении опыта. Он не устанавливает специального механизма музыкального удовольствия. Наша сцена использует ограниченную параллель: рассказывая о музыке, можно описывать не только звук, но и то, что изменилось, чему он ответил и каким оказался переход.

Полезно не требовать, чтобы второе прослушивание точно воспроизвело первое. Собеседник может теперь знать, какой момент вы предложили заметить, или слушать ради другого вопроса. Даже в условном разговоре это меняет задачу наблюдения. Если после повторения человек говорит иначе, не нужно немедленно обвинять его в непоследовательности. Сначала спросим, о том ли впечатлении и о том ли времени он рассказывает. Первая неожиданность, второе узнавание и поздняя оценка — разные описываемые отношения. Здесь не утверждается универсальная закономерность памяти или обработки звука. Мы уточняем, как читать сообщения, чтобы не требовать от слов отвечать одновременно за разные моменты встречи с произведением.

Для общего разговора можно выбрать небольшой участок и дать двум описаниям сосуществовать. Что услышал каждый? Какой момент стал опорным? Что означает выбранное слово именно в этом описании? Вопросы остаются открытыми и не проверяют культурную ценность человека. Участник не обязан знать музыкальную терминологию, чтобы рассказать о своей реакции. Техническое описание тоже не становится автоматически более личным или более истинным описанием удовольствия. Оно отвечает на свой вопрос. Умение различить устройство записи и отношение к ней сохраняет обе формы разговора: можно изучать композицию и одновременно не объявлять чужое равнодушие доказательством непонимания. Общий предмет даёт место встречи; согласие во вкусе не является условием этой встречи, если собеседники вообще хотят её продолжать.

VI. Боль: ограниченный доступ не повод для отрицания

Здесь сравнение меняет характер. Цветовая ткань и музыкальная запись могут быть предложены как общие предметы; о боли другого человека мы узнаём иначе, и цена неверного отношения к сообщению может быть иной. В определении IASP, объявленном 16 июля 2020 года, боль рассматривается как личный опыт. В сопровождающих примечаниях сообщение человека предлагается уважать; невозможность общения не исключает боли. Это определение профессиональной организации, а не испытание нашего разговорного упражнения. Оно поддерживает ограниченный вывод: недостаток подробного рассказа нельзя сам по себе превращать в отрицание переживания. Здесь не устанавливаются причина, диагноз, тяжесть или подходящее лечение конкретного человека.

В бытовом общении полезно не превращать собственный похожий случай в меру чужого. Фраза «у меня было так же» может открыть рассказ о себе, если собеседник хочет его услышать. Но она не удостоверяет, что у другого совпадают причины, интенсивность и обстоятельства. И выражение «я этого не вижу» описывает доступ наблюдателя, а не автоматически отсутствие того, о чём ему сообщают. Это логическое различие между неполнотой нашего знания и отрицательным заключением. Оно не требует считать любое объяснение причины установленным. Можно уважать сообщение и сохранять неизвестность причины одновременно. Для решения медицинского вопроса нужны подходящие сведения и профессиональная оценка; философская статья не заменяет их внимательной интонацией или знакомой историей.

Точно так же не следует делать философское сомнение обязательным испытанием собеседника. Человек, который рассказывает о боли, не обязан сначала решить проблему чужих сознаний. Наш следующий вопрос может касаться того, что он хочет сообщить и какой помощи или изменения разговора просит, а не того, сможет ли доказать нам полное тождество внутреннего и внешнего. Право не продолжать подробный рассказ тоже важно для общения. Это предложенная авторами граница разговора, а не схема клинического обследования. Она сохраняет возможность слушать, не присваивая медицинской компетенции. Если вопрос выходит за пределы бытового соглашения, его следует рассматривать по своей задаче, а не превращать доступность философского сомнения в разрешение игнорировать сообщение или выбирать лечение по собственным аналогиям.

VII. Сравнения открывают смысл и могут закрыть его

Когда точного слова не хватает, человек может предложить сравнение: звук словно пустая комната; цвет как вечернее небо; ощущение будто тяжёлый груз. Эти примеры вымышлены. Сравнение выбирает некоторое отношение и позволяет собеседнику спросить о нём подробнее. Но оно не переносит все свойства комнаты, неба или груза в переживание. Если читать метафору буквально, можно построить вывод, которого говорящий не делал. Полезный уточняющий вопрос относится к выбранной стороне: ты имеешь в виду пространство, холод, тяжесть или что-то другое? Собеседник может ответить, что предложенное нами слово вообще не подходит. Тогда исправляется наше толкование, а не его право использовать несовершенный образ для трудного описания.

У Джеймса образ потока относится к тому, как сознание представляется самому себе, в рассуждении о непрерывности. Он не даёт нам физического прибора, измеряющего течение чужого опыта. В соседнем рассуждении музыкальные обертоны служат сравнением для того, что автор называет краем или окружением мысли. Если перенести этот образ в наш разговор, нужно сохранить статус сравнения. Можно сказать, что отдельное слово оставляет за кадром отношения и переходы. Нельзя вывести отсюда, будто у всех переживаний есть одна измеренная музыкальная структура. Сильная метафора помогает поставить вопрос, когда ясно, какую сторону она показывает и какую часть объяснения не берёт на себя.

Иногда полезнее оставить несколько сравнений, чем выбирать одно окончательное. Человек уточняет: не просто тяжело, а трудно начать движение; не грустная музыка целиком, а определённый переход напоминает прощание. Такие уточнения могут сделать сообщение понятнее без полного снятия неопределённости. Но они также могут показать, что собеседник не хочет дальнейшего разбора. Разговор не является добычей подробностей любой ценой. Мы можем принять достаточное для совместного решения описание и оставить остальное личным. Важен не объём извлечённых слов, а верность отношения к уже сказанному. Чем подробнее наше толкование, тем нужнее проверить, узнаёт ли говорящий себя в нём. Это возможность для поправки, а не требование подтвердить, что наш красивый образ теперь стал точной картой его внутренней жизни.

VIII. Проверять понимание, не проверяя достоинство

Условная встреча после концерта предлагает простую возможность. Один человек рассказывает, что определённое место его задело; другой отвечает собственным подробным объяснением, которое первый не узнаёт. Проблема может заключаться в слишком быстром переходе от услышанных слов к готовой интерпретации. Вместо нового объяснения можно предложить короткий пересказ: я понял, что тебе важна пауза перед возвращением темы; это близко к тому, что ты сказал? Такой вопрос проверяет наш пересказ. Он не ставит собеседника перед выбором между согласием и признанием своей неспособности объяснить. Если он поправит нас, появится конкретное место для изменения. Если откажется обсуждать, это тоже ответ о пределах данной встречи, а не доказательство бедности его опыта.

Такое уточнение полезно отличать от требования оправдать чувство. Вопрос о том, правильно ли я понял слова, допускает несколько ответов. Требование объяснить, почему человек вообще вправе так реагировать, меняет отношения между участниками. Иногда оценка нужна: например, обсуждается конкретное публичное утверждение о произведении. Тогда проверяется его основание, а не личная ценность говорящего. Но если человек просто рассказывает о своём впечатлении, можно не превращать его сообщение в спор, которого он не выбирал. Здесь нет универсального запрета на несогласие. Есть различие между ответом на предложенную тему и присвоением себе роли судьи над допустимостью чужой реакции. Это различие помогает выбрать ясный вопрос прежде, чем разговор получит нежелательный для одного участника характер.

Пересказ тоже бывает неточным, даже если звучит мягко. Он может добавить причину, убрать сомнение или сделать временное впечатление постоянной характеристикой человека. Поэтому стоит выбирать небольшой фрагмент и сохранять его форму: сейчас, в этом месте, мне показалось. Эти слова не декоративны. Они показывают, о какой встрече с предметом речь. Если человек сказал, что сегодня не хочет слушать запись, нам не следует передавать его ответ как окончательную неприязнь к музыке. Проверка понимания остаётся работой над нашим сообщением. Её результат ограничен тем, что удалось согласовать. Она не гарантирует близости или согласия; собеседники могут понять друг друга точнее и всё равно выбрать разные действия. Такая возможность является нормальной границей разговора, а не его обязательным провалом.

IX. Три примера не образуют одну меру

Цвет, боль и музыка объединены в статье вопросом о передаче опыта, но их различия определяют допустимые действия. С цветом можно сравнить видимые образцы; о музыке — договориться, какой участок обсуждается; сообщение о боли требует своего внимательного отношения и не становится эстетической оценкой. Если создать из этих примеров единую шкалу «насколько человек переживает правильно», исчезнет содержание каждого вопроса. Сходство слов не обязывает нас уравнивать последствия. Даже понятие качества относится здесь к разным задачам: как ощущается цвет, что человек сообщает о боли, как описывает встречу с последовательностью звуков. Общий философский вопрос помогает замечать различия, когда не выдаётся за универсальный способ решить практические вопросы всех трёх случаев.

Локк и Джеймс тоже не дают два одинаковых подтверждения одной сегодняшней теории. Первый в выбранном параграфе разбирает идеи, их именование и возможное различие чувственных впечатлений. Второй описывает личную принадлежность и течение мысли в своей психологии. Между ними есть точка сопоставления: сообщение и непосредственно принадлежащий опыт нельзя просто объявить одним предметом. Но их системы, жанры рассуждения и исторические объяснения различны. IASP добавляет профессиональное определение для конкретного вопроса боли, а не подтверждает целиком философию любого из них. Наша карта связей имеет смысл как ограниченное сопоставление. Она не устанавливает исторического влияния между авторами и не собирает разные традиции в общий авторитет, который должен заставить читателя принять окончательное мировоззрение.

Читатель может поэтому сохранить собственную позицию по вопросу природы сознания, пользуясь более точными различиями в разговоре. Философское несогласие не обязывает говорить за другого человека, а уважение к нему не обязывает принимать любую метафизическую версию. Если собеседники хотят обсуждать такую версию, нужно назвать её отдельно и рассмотреть аргумент. Если хотят выбрать ткань, обсудить музыку или понять просьбу, достаточно подходящего для этого уровня общения. Не следует делать бытовое решение скрытым голосованием за философскую школу. И не следует объявлять личное признание окончательным доказательством научного объяснения. Разделение вопросов сохраняет свободу суждения: можно продолжать сравнение, признавать неизвестное и выбирать действие без требования одновременно разрешить все связанные с опытом проблемы.

X. Понимание как достаточный ответ на выбранный вопрос

После всего сказанного фраза «я тебя понимаю» может получить более ясное содержание. Она не обязана обещать полное совпадение опыта. Можно уточнить: я понял, какой момент ты имеешь в виду; я могу пересказать просьбу; я вижу, почему предложенный мной образ не подходит. Эти результаты невелики, но проверяемы в общении. Собеседник может согласиться или поправить конкретное место. При этом никто не должен измерять внутренний мир другого по силе собственной уверенности. Чем шире наша формулировка понимания, тем больше того, что мы берём на себя. Скромная точность позволяет сказать меньше и сделать это полезнее, потому что следующий шаг опирается на действительно установленное согласование.

Есть и случаи, когда достаточно признать предел. Человек говорит, что не может подобрать слова; слушатель отвечает, что готов учитывать просьбу без подробной картины ощущения. Такое соглашение не доказывает, будто слова не нужны никогда. Оно относится к данной встрече. Если позднее появится желание описать опыт подробнее, разговор можно продолжить. Если нет, прежняя граница остаётся. В условной совместной жизни это может касаться выключенной записи, другого цвета ткани или отказа обсуждать личное ощущение за общим столом. Ни один из этих примеров не представлен как исследованная техника улучшения отношений. Они показывают логическую возможность действовать на основе частичного понимания, не превращая частичность в обвинение и не выдавая её за завершённое знание о человеке.

Передача опыта тогда перестаёт быть выбором между совершенной копией и полной изоляцией. Мы располагаем предметами, словами, сравнениями, вопросами и возможностью исправить ответ. Они не устраняют личную принадлежность переживания и не гарантируют согласия. Но позволяют узнавать определённые вещи друг о друге. Цвет напоминает о различии названия и ощущения; музыка — о роли выбранного момента и перехода; боль — о том, что предел нашего доступа не даёт права отменить сообщение. Общий итог подготовлен этими разными задачами: спрашивать, что именно нужно понять, и не обещать больше, чем наш ответ способен передать. Так сохраняются и содержательность разговора, и свобода человека оставить часть своего опыта собственным, не превращая эту свободу в тайну, которую другой обязан раскрыть.

Что это значит на практике

Выберите нейтральный предмет, о котором оба участника согласны поговорить: образец цвета или небольшой фрагмент музыки. Не используйте боль как повод проводить опыт над другим человеком и не просите вызывать неприятное ощущение. Сначала каждый может назвать предмет и одну сторону своего впечатления. Затем уточните, совпадает ли предмет разговора. Один описывает оттенок, другой предпочтение? Один говорит об отдельном звуке, другой о переходе? Если вопросы различаются, назовите это прежде, чем искать общий ответ.

Предложите короткий пересказ только того, что было сказано. Не добавляйте причину, биографию или постоянную черту человека. Дайте возможность поправить одно слово, указать другое место или отказаться от продолжения. Можно записать три строки: общий предмет; что мне удалось понять; что остаётся личным или неясным. Соглашение о действии записывается отдельно: оно не удостоверяет одинаковость ощущений. Если выяснилось, что дальнейший разговор не нужен, на этом можно закончить.

Это авторское предложение для чтения и общения, без установленной научной эффективности. Оно не заменяет медицинскую оценку сообщения о боли и не определяет чужую искренность. Удачным результатом может быть небольшое уточнение или признанный предел. Не требуется получить полную картину внутренней жизни собеседника. Сохраняйте возможность вернуться к его словам позднее, если он сам захочет их расширить, и исправлять именно своё понимание, когда оно не соответствует сообщённому.

Ключевая цитата

> *Сознание, таким образом, не представляется самому себе разрубленным на кусочки.*

Уильям Джеймс, «Принципы психологии», том I, глава IX, раздел 3, печатная с. 239; собственный перевод United Wisdom с английского текста. Это характеристика представления опыта в рассуждении Джеймса, не универсальный нейрофизиологический результат.

Связи между традициями

1. **Локк и Джеймс о чужом опыте.** Условный пример Локка II.XXXII.15 различает названия и возможное качество впечатлений; личная форма мысли у Джеймса IX, с.225–226, различает принадлежность и сообщение. Сходство относится к ограниченности прямого перехода; системы авторов не отождествляются.

2. **Цветовое название и течение звука.** Локк II.III.2 обсуждает нехватку названий для чувственных различий; пример грома у Джеймса IX, с.240–241, показывает отношения между последовательными впечатлениями. Общая тема — предел изолированного слова; предметы и аргументы различаются.

3. **Личная принадлежность и уважение к боли.** Рассуждение Джеймса о личной мысли сопоставлено с примечаниями IASP2020. Первое ставит описательный философский вопрос; второе относится к профессиональному определению боли. Это связь статьи, не доказательство единого учения.

4. **Мысленный пример и профессиональное определение.** Условие цветового примера Локка не измеряет распространённость различий; IASP не проверяет эффективность нашего упражнения. Оба источника требуют подходящей роли, но служат разным задачам.

5. **Поток и музыкальный образ.** Джеймс IX, с.239 и258–259, использует поток и обертоны для своего анализа. Мы переносим только вопрос об отношениях, остающихся вне короткого названия. Никакая физическая или историческая тождественность этим не установлена.

Первоисточники

1. Джон Локк. «Опыт о человеческом разумении», том I; книга II, глава III §2 и глава XXXII §§14–16. Английский электронный текст Project Gutenberg10615.

2. Уильям Джеймс. «Принципы психологии», 1890, том I, глава IX: избранные фрагменты о личной форме мысли, непрерывности и образе обертонов; текст York University. Русские цитаты — собственный перевод United Wisdom.

3. International Association for the Study of Pain. Сообщение о пересмотренном определении боли, 16.07.2020: определение и шесть примечаний.

Теги

субъективный опыт, переживание, цвет, боль, музыка, качество опыта, понимание, другой человек, Локк, Джеймс, личное сознание, поток мысли, мысленный эксперимент, фиалка, бархатец, именование, описание, метафора, аналогия, IASP, определение боли, сообщение, частичное понимание, согласование, предпочтение, свобода суждения, границы общения, слух, впечатление, перевод

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.